

ПОЭЗИЯ

127

Вера Арямнова

* * *

Как ветер не терпит преграды,
как солнце не знает остуды –
со страстью не может быть сладу,
и я осторожной не буду.

Со мной мое чувство не шутит.
Оно снисхожденья не знает.
Дойти заставляет до сути,
и раны свои не считает.

Несущий сквозь праздник и муку –
нет, сердце не двигатель вечный!
Осилю земную науку,
а кончится жизнь – не замечу.

Вера Арямнова четырнадцать лет жила и работала в Набережных Челнах. Затем была Кострома. Недавно переехала в Казань. Работает корреспондентом газеты «Республика Татарстан». Она автор книг поэзии и прозы

Ты не женщина

По асфальту – танца шорох,
кружит ветер листьев ворох.
Ты не женщина, ты порох.
Ты не для меня.
Ты могла бы сдвинуть горы,
ты могла б построить город,
на скаку – коня...

От тебя идет свеченье,
но с тобой – одно мученье.
А твое стихотворенье...
Не рожай стихов!
Ты сама собой распята,
не хочу быть виноватым, не хочу оков!

Не хочу с тобой любиться.
Ты ж – не баба, ты же птица!
Ты же в окна будешь биться,
слышишь, отпусти.
У тебя крыло подбито,
у тебя душа открыта,
чур меня, прости!

Не жирный кусок пирога,
не зависть в глазах у врага,
а гром... среди ясного неба!
И запах полыни и хлеба,
ребенок, с которым нежна,
работа, которой нужна,
разбитое сердце на части...
Ну, что еще нужно – для счастья?..

На чердаке играет патефон,
и дождь стучит о жестяную крышу.
Жизнь хороша почти со всех сторон,
когда удержишься: нехватишь ее лишку.

В разгаре день, а сумерки в углу
готовят на него поползновенье.
Вдевая свет и полутьму в иглу,
крыло себе латает вдохновенье.

Пора, пора! Уже летят стихи.
Держась за плоть их лебединых лапок,
взлечу, чердачной не подняв трухи,
забыв себя и жизни горький запах...

Баллада о золотых рыбках

Печальное зрелище – Волга в холодных оковах.
Пусть первый ледок немогуч и трещит, но потом...
А нынче живую под лед уходить – ну совсем не готова!..
И плавит его, и ломает, и жаркое слово
Она выдыхает уже замороженным ртом.

Уходит рыбак, и рюкзак его кажется полным,
И рыб золотых там и впрямь хорошо про запас.
А был ли купальщик, целующий теплые волны?!..
...Уходит рыбак, и жена его будет довольна:
На жарку достанет, и сварят ушицу не раз...

Мертвое стихотворение

Это не мы.
И не наше прощанье.
Не были вместе, не будем и врозь.
Это зимы
ледяное дыханье
сквозь листопад пронеслось.

Это не вы.
И не ваше венчанье.
Это придуманный плохо сюжет.
Это Невы
ледяное бречанье
и отраженье того, чего нет.

Будет недолог
спектакль бездарный
под нарисованным ситцем небес.
Это лишь полог
потертый и старый,
с тусклыми точками звезд.

Это не горе,
лишь повод для строчек.
Как натянулись, струною звеня!
Это лишь море
людских заморочек,
что развлекают меня.

Ироническое

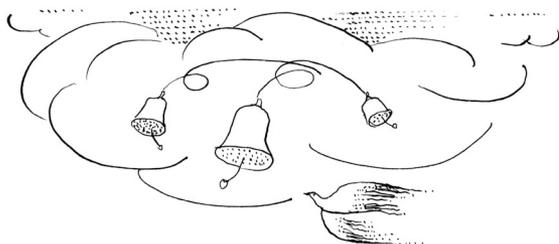
В состоянии похмелья
прогуляться по зиме!..
Счастье в сердце, легкость в теле, –
и за что все это мне?..

Я ж себя не пожалела,
я ж любовь не сберегла!..
Но ведь снег, как прежде, белый?
Да и голова цела.

Это надо же – надежду
взять и в щепки раздолбать!
И замечу, прочим между:
постаралась, аки тать.

И теперь гляжу и вижу:
ВСЁ осталось вдалеке.
Небеса всё ближе, ближе...
Господи, я – налегке!

Господи, уже готова
я предстать перед Тобой.
Враз – смешлива и сурова,
бестелесная, как слово,
с крылышками за спиной!

Неотправленное письмо

Ты – это жизнь. И счастье. И простор.
Но худшее случилось между нами:
Мы как враги с тобою говорим.
И кровь во мне грохочет, как Гольфстрим.
И я еще не верю этой драме.
Ее мне повторяет монитор...

Готовность к счастью не переломить.
Не остудить ни волю, ни желанье.
Но не преодолеть непониманье.
В моих руках разлука и страданье.
А этих строчек тоненькая нить
не в силах ничего соединить.

Не совместятся жизнь и ожиданье,
Не слиться прагматизму и любви,
И ты как хочешь это назови, –
Обман нетрудно спутать с обещаньем.
И посчитать его за состраданье.
...Оно не растворяется в крови!

Оно – любовь, оно почти она,
и знаешь ты про то не понаслышке.
Скорее многим страдаешь слишком,
на одного, наверно, это лишку.
Вот потому и лопнула струна.
Храни Господь тебя, ее, мальчишку.

Правила самосохранения

Решенья пейте свежими и залпом!
Не то застрянут комом в пищеводе,
что еще хуже – станут киселем.

Остерегайтесь слишком сложных женщин,
молитесь Богу, подавайте нищим,
а пейте редко и совсем чуть-чуть.

Не думайте, что смысл существования
дороже самого существования.
Учтите – нет дороже ничего.

Кричат «спасите» – нос не смей наружу!
Известно вам, что тело не бессмертно,
и можете ему вы навредить?..

Потщательней запахивайте душу.
Зачем, надеюсь, объяснять не нужно?
И сверху шарфик – это для тепла.

Теперь на лыжи – день такой хороший!
Момент скольженья глупо упустить.
Такое можно сделать только сдуру.

Ах, жизнь прекрасна! Вот чаёк, вот почта.
И много-много самых разных слов.
Но со словами – тоже осторожней.

О чем бишь мы?..

Виртуальный март

134

Нелюбимое время слепящего солнца и грязи,
и безумный, и пьяный, а может, обкуренный, март.
Жажду близости не утолить в идеальном оргазме.
Погодать на любовь, или просто на прочные связи?
Но в колоде нехватка – четырех обязательных карт.

Запах тлена и смерти прозрачной колышется тканью,
и мешается с запахом водки и горьких духов,
из-под снега возникшей и полуоттаявшей дрянью...
И вдыхай не вдыхай, не хватает для жизни дыханья,
на стихи не хватает цензурных, вменяемых слов.

Что есть я?.. Только крошево прошлой структуры.
Под невидящим взглядом теперь справедливых небес.
По ошибке? К несчастью? По воле моей? Просто сдуру!
...Жизнь стоит на столе: монитором с клавиатурой.
Там есть все: даже Ангел холодный и ласковый Бес...

Все прошло, и судьба не оттаит уже из-под снега.
Да и мне ни к чему ее хладный, истерзанный труп.
Вот закончу дела, и опять не поеду в Лас-Вегас,
а поеду в Казань – посмотреть на того, кто мне люб.
Виртуальное тело не просто подвергнуть касанью.
По законам миров, Розы мира и мира из роз
мне в Лас-Вегас нельзя. Но легко побываю в Казани:
подойду, обниму и – пройду ее тело насквозь.

Пространство воспаленное и злое.
Но я-то не внутри уже – вовне:
в стихах, в любви, в дороге и во сне.
Не говорю сегодня: будь со мною,
и даже справа, за моей спиной...
Ты есть во мне, ты просто – есть во мне.

Мне не раба выдавливать по капле,
а лишь гордыню дикую унять.
Но если время повернулось вспять,
пусть не умею ждать и догонять,
пусть не могу не наступать на грабли, –
любовь и жизнь – они мои опять:

не в дар, не в долг – отцовский жест дающий.
Я и взяла, как хлеб берут из рук.
А кто ты мне: отец, любимый, друг?..
Ах, лишь одно я знаю о грядущем:
поэт рождается не ради райской кущи,
и столько горя в сердце и вокруг!..

И суть не в том, мы рядом иль не рядом,
какая боль в мою ворвется грудь,
какая радость обернется адом...
Глядишь на мир небесной силы взглядом,
и дай мне, Боже, глаз не отвернуть...
Пусть не сейчас, потом, когда-нибудь!..